

101 ПОЭТ XXI ВЕКА

Владимир
Силкин

ЦАРСКИЕ
КУДРИ

Поэзия XXI века

Владимир Александрович Силкин
Царские кудри
Серия «Поэзия XXI века (Горизонт)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54932273

Царские кудри:

Аннотация

Владимир Силкин продолжает радовать многочисленных ценителей своей поэзии. Главное ощущение от его произведений, даже от тех, которые проникнуты осенней грустью, такое: он как настоящий русский поэт, как мастер стиха, несомненно, находится на подъёме, на новом этапе своей «творческой эволюции», как принято говорить у литературоведов. Мало кого можно поставить из современных поэтов рядом с ним – удивительным автором тонких, акварельных лирико-философских миниатюр. В этом жанре он, по оценкам читателей, достигает всё большего совершенства и с каждым годом идёт, говоря словами М. Горького, «всё вперёд – и выше»! Буквально после прочтения каждого стихотворения остаётся душевный след – «послечувствие», «послемыслие», «послевкусие». Его излюбленный формат – 3–4 четверостишия или чуть больше. Но как глубоко! Какой бездонный колодец с живой водой!

Содержание

Муза моя	8
Слух	10
Последний блюз	12
Август	13
14 октября 1982 года	14
273-й квадрат	15
«А было так. Сошла вода...»	16
«А под окнами пуха не счесть...»	17
«Птичьих голосов уже не слышно...»	18
Белые гнёзда	19
Время клёва	20
Добрые люди	22
Серебро	23
«Я много видел, много знаю...»	24
На морозе	25
У метро	26
«Подступает зима осторожно...»	27
Холода	28
«Как тихо в округе, как пусто...»	29
Неизвестная	30
«Сотрёт печаль осенний тёплый ветер...»	32
«В охапку осень собираю...»	33
«Не верится в близкую зиму...»	34

«Перевернёт октябрь страницу...»	35
Предзимье	36
«Сколько брошенных собак...»	37
Идут снега	39
К тебе	40
Перо	42
Скворец	43
Дача	44
Шаржи	46
Дуэль	47
Абакан[1]	48
Бабочка	49
Бабье лето в Москве	50
«...А ты ушла, а я уехал...»	52
«Ах ты, старость, глупая, слепая...»	53
Перед грозой	54
Баба Груня	55
Апрель	56
В Переделкино	57
«Не помнится, какой была весна...»	59
Одиночество	60
Зимние яблоки	61
Быть добру!	62
Уха	64
Безголосый	65
Солёный ветер	66

На открытие обелиска	67
Голоса друзей	68
На Новодевичьем	69
Белозар[2]	70
Левый берег	71
В двадцатых числах октября	72
В дороге	74
Белый лебедь	75
«Встанет ночь на Хуптой в пеньюаре...»	76
Так повелось	77
Входи, зима	78
«Впереди одни печали...»	79
«Давай поднимем паруса...»	81
«Благодарные певчие птицы...»	82
До белых туманов	83
Приблудный дождь	84
Балкон	85
Бар-ресторан «Соловецкое подворье» в Архангельске	87
Без тебя	88
Застолье	89
«До берёзовых песен ещё далеко...»	91
Дождь 7 ноября	92
Дождь	93
Дом учёных в Санкт-Петербурге	94
Живу и надеюсь	96

За кудыкины горы

97

Конец ознакомительного фрагмента.

98

Владимир Силкин

Царские кудри

© Силкин В.А., 2020

© Оформление, серия, Издательство «У Никитских ворот», 2020

Муза моя

Муза моя, неизменная странница,
Вновь собирается в дальний поход.
Будет война, ничего не останется
И никого, кто с победой придёт.

Мир содрогнётся от вируса стронция,
Книжные строчки расплавит напалм.
Вот и взираю с испугом на солнце я,
Что каждый день улыбается нам.

Муза моя! Одолей расстояния,
В сердце войди, не встречайся с тоской.
Может быть, от твоего состояния
В мире безумном зависит покой.

Муза моя! Перессорились нации.
Ты очищай их слова ото лжи,
Чтоб на далёкой космической станции
Не прервалась сумасшедшая жизнь.

Муза моя! Мне в плохое не верится,
Но наступает на пятки война.
Кто вам сказал, что Земля ещё вертится,
Если не слышит молитвы она?!

Слух

*Памяти солиста Академического ансамбля
песни и пляски Российской армии
имени А.В. Александрова Андрея Савельева*

Ах, что за голос у Андрея!
И на фатьяновской земле
Я петь боюсь, я не умею,
Хоть водки много на столе.

С рожденья не имею слуха.
– Ты не конфузь меня, Андрей!
– Я научу! – твердит Андрюха,
И голос мягче и добрей. —

Бросай курить – и тоже сможешь!
Табак мешает соловью!
А сам поёт, мороз по коже,
И душу радует мою...

И вот я бросил, только глухо
Андрюхин голос из дверей.
Ты слышишь, я пою, Андрюха!
Что ж ты не слушаешь, Андрей?!

Мой голос мне не режет уха,
А твой – за тысячью морей...
Ты слышишь, я пою, Андрюха,
Я для тебя пою, Андрей.

Последний блюз

*Светлой памяти пассажиров и экипажа
ТУ-154, погибших под Сочи в 2016 году*

Не падай, военная птица,
Не надо терять высоту,
Чтоб утром декабрьским столица
Проснулась в холодном поту.

Не надо публичного горя,
Не надо подводных могил.
Горячее Чёрное море
Не даст для спасения сил.

Не надо, военная птица,
Ронять пассажиров и груз.
Ты слышишь, как в сердце стучится
Не сыгранный в Сирии блюз.

А птица страдает, нет мочи,
И птице, похоже, не петь,
И падает птица под Сочи
На воду, чтоб в небо смотреть.

Август

Летела ночь, не зажигая фар,
Был август скуп на тёплые признанья,
И в эту пору снов и увяданья
Мне не встречалось невесёлых пар.

Раскачивались звёзды на ветвях,
И в тишине казалось символичным,
Что чьё-то счастье, позабыв о личном,
Кузнечики ковали второпях.

А я подумал, прочно ли оно,
Поспешно отшлифованное будет,
Не часто ль ошибаемся мы, люди,
Насчёт того, что просто не дано?

Но пары шли, несли в глазах рассвет,
В обнимку шли, охваченные страстью,
А я-то думал, что на свете счастья,
Как и бессмертья истинного, нет.

14 октября 1982 года

Снег выпал в день рождения
И ширился, и рос
Веселым продолжением
Белеющих берёз.

И по аллеям-горенкам
Сновали без нужды
Задумчивые дворники,
Печатая следы.

А высоко над крышами,
Над избами, у туч,
Бог весть откуда вышедший
Искрился солнца луч.

Он постепенно ширился
И постепенно рос
Над трубами, над крышами
И на ветвях берёз.

273-й квадрат

Сергею Иконникову

Двести семьдесят третий квадрат.
Хорошо-то как, благостно, Боже!
И леса меж собой говорят,
Окликакая случайных прохожих.

Сколько звуков печальных вокруг!
Сколько вздохов несётся с болота!
И с чего это тянет нас вдруг
Как магнитом к себе позолота?

Увядают кусты и грибы,
И осины дымятся, сгорая.
Ничего не прошу от судьбы,
Кроме этого дикого рая.

Двести семьдесят третий квадрат.
Чьи следы обозначились в иле,
Чьи глаза удивлённо горят,
Чьи шаги в изумленье застыли?

«А было так. Сошла вода...»

А было так. Сошла вода,
Она явилась, господа.
Пришла за столько много лет,
Зажгла в моём жилище свет.
Протёрла пыль, внесла букет.
– А ты ворчал, что жизни нет!
А я и правда думал, нет.
Что мне не выпадет билет.
Вошла – из песен и тепла,
Тогда, когда уже прошла.

«А под окнами пуха не счесть...»

А под окнами пуха не счесть,
Тополиные свадьбы в разгаре.
– Как сегодня спалось, ваша честь,
В этом городе шума и гари?

Ничего не отвечу себе,
Занавеску на сторону сдвину.
«Вон на том, на фонарном столбе
Не мешало бы лампочку вынуть!»

Аллергия на пух и сквозняк
Не проходит бесследно, поверьте:
Вновь на фабрике местной Гознак
Перестали печатать конверты.

А в гостинице нету воды
И уборщицы, видимо, нету,
Но такие под Ряжском сады
И такое душистое лето!

«Птичьих голосов уже не слышно...»

Птичьих голосов уже не слышно,
Дождь зашёлся под окном стеной.
Женщина в плаще из дома вышла,
Кажется, чтоб встретиться со мной.

Сколько раз уже такое было,
Что казалось, рядышком жила,
Одного меня всю жизнь любила
И всю жизнь мне преданной была.

Всё не так, ломает ветки ветер,
Дождь зашёлся под окном стеной.
А ведь правда, ты была на свете,
Но печально грезила не мной.

Вот мы и не встретились случайно.
Я глядел всё время из окна,
Как в плаще, в котором стыла тайна,
Проходила женщина одна.

Белые гнёзда

Белые гнёзда на ветках.
Ветер не трогает их.
Вот и приходится редко
Видеть пернатых своих.

Нет ни репёв, ни рябины.
Холодно-голодно днём.
Выгнули хвойные спины
Ёлки под самым окном.

Только бродячая кошка
Рыщет опять у окна.
Ладно, осталось немножко,
И возвратится весна.

Перезимуем всё это,
Выбежим птиц привечать
И ежедневно всё лето
Будем довольно ворчать.

Время клёва

Поеду на Ранову! Лещ серебрится,
Размяла плотва плавники.
Неделю забывшие дом и побриться
Торчат над водой рыбаки.

В садки опускают червонные скулы
Пожившие в ямах лещи.
А вот выплывает под берег сутулый,
Камыш от дыханья трещит.

Поеду на Ранову. Время настанет —
И вспомнит народ про плащи.
И вдоволь намокнет, и вдоволь устанет,
Забудет свои беляши.

Устроившись молча на солнечной яме,
Вовек не сумею забыть,
Когда меня лещ золотыми устами
Попросит назад отпустить.

И будет сравним он со сказочной рыбкой,
Готовой желанья творить.
И я над рекой размышляю с улыбкой:
О чём мне ему говорить?

Добрые люди

Люди забыли про жалость,
Чёрствость и злость – не пройти.
Добрых людей-то осталось
В мире не больше пяти.

– Добрые люди! Ну где вы? —
Кашляет дед Никанор.
– Вот они! Справа и слева,
Рядом живут до сих пор.

Серебро

Не отвечай на прошлые звонки,
Где серебром не тронуты виски.
И жизнь пройдёт, наступит та пора,
Где окажусь я сплошь из серебра.

«Я много видел, много знаю...»

Я много видел, много знаю,
Сказать красиво не могу.
Но ни на что не променяю
Берёзы русские в снегу.

Ветрами буйными отпеты
И, в снег закутавшись, как в мех,
Хранят такую массу света,
Что хватит осчастливить всех.

Я никогда их не покину,
Их светом сказочным храним.
И гну я перед ними спину,
И низко кланяюсь я им.

За то, что есть, за то, что дышат,
За то, что строго не винят,
За то, что всё на свете слышат,
Но доброту в себе хранят.

На морозе

Счастьем набрякшие губы,
Свет опьяняющих глаз.
И у морозного сруба
Тают сосульки сейчас.

Как им, сердечным, не таять,
Если такое тепло,
Словно цветы, прорастает,
Словно бы солнце взошло.

А ведь на улице – двадцать
И продирает мороз,
И не дают целоваться
Капли замёрзшие слёз.

У метро

Кормит женщина голубей
Золотистым душистым хлебом,
И становится голубей
От очей её добрых небо.

Верю, голуби – это знак,
Что от Бога сейчас исходит.
Только как же они без нас
Будут счастливы на природе,

Если им не хватает глаз,
Поднимающих их в дорогу?
Да не смогут они без нас,
Да, уверен, одни не смогут.

«Подступает зима осторожно...»

Подступает зима осторожно,
И морозы за горло берут.
Даже Сетунь притихла тревожно,
И притих переделкинский пруд.

Скоро, видимо, первые льдинки
Превратятся у нас в зеркала.
Но пока что висят паутинки,
Ухватившись за полы тепла.

Осерчает мороз, и округа
Станет белой, как белая шаль.
Эту осень, как лучшего друга,
Уходящего в будущность, жаль.

Жаль листвы, увядающей в сквере,
Жаль твоих невесомых шагов.
И в душе просыпается вера,
Что придёшь ты в преддверье снегов.

Холода

Неведомо откуда и куда
Приходят пожилые холода.

И кашляют они над головой,
Ненастья обещающая над Москвой.

И видевшие виды холода
О прошлом не жалеют никогда.

И мне немного их, усталых, жаль,
Они приносят вечную печаль.

Пусть неуютно с ними никогда,
Но как же согревают холода.

«Как тихо в округе, как пусто...»

Как тихо в округе, как пусто!
Туманов густые дымы.
И только на грядках капуста
Ждёт вздохов холодных зимы.

И листья неслышно ложатся,
Прощаясь с последним теплом.
И не на что им обижаться,
Что жизнь их осталась в былом.

Сырые холодные ветки
Склоняются молча к земле.
И розы мои, однолетки,
Мечтают уже о тепле.

Неизвестная

Она выходит из кареты,
И я ей руку подаю.
О, как изысканно одета,
Как держит голову свою!

Но почему она надменна,
Не вторит жесту моему,
Зачем же надо непременно
Встречать людей не по уму?

Ах, красота... Она от Бога!
От Бога ревность или страсть.
Она ступает на дорогу,
Где незаметно можно пасть:

Сойти с небес и стать такою,
Как сотни многие других.
Прикрывшись же сейчас рукою,
Она не замечает их.

Каким желанием влекома
В провинциальном городке?..
Да мне-то что? Мы незнакомы,
Мы первый раз накоротке.

«Сотрёт печаль осенний тёплый ветер...»

Сотрёт печаль осенний тёплый ветер.
Я буду думать, радость затая,
Как хорошо, что ты была на свете,
Чужая, но любимая моя.

Ведь мы с тобой не встретились ни разу
И под руку ни разу не прошлись.
Я за свою фантазию наказан,
Я не с тобой, ты на меня не злилась.

И ты меня ни разу не встречала,
А ведь ждала, что точно подойду.
Начать бы жизнь прошедшую сначала,
Сорвать бы вместе яблоко в саду.

«В охапку осень соберу...»

В охапку осень соберу,
В костёр отправлю злую нечисть.
И через сутки поутру
Я у зимы в гостях отмечусь.

В объяття бросится мороз,
И упадёт мороз на шапку,
И я расчувствуюсь до слёз
И первый снег сгребу в охапку.

«Не верится в близкую зиму...»

Не верится в близкую зиму,
В большие её холода.
Пока что проносятся мимо
Во Внуково все поезда.

А значит, летят самолёты,
И манит азартно тепло,
И есть на земле ещё кто-то,
Кому в этот час повезло.

«Перевернёт октябрь страницу...»

Перевернёт октябрь страницу
Настенного календаря.
Я не могу с тобой проститься
И каяться не стану зря,

Что неминуема разлука,
Что без тебя тотчас умру.
Но ты не знаешь, что за мука
Стоять и дрогнуть на ветру.

Стоять, тоску сейчас глотая,
И чувств не выдавать своих.
А ты, как птица золотая,
Кому-то машешь в этот миг.

Предзимье

Расшиты золотом подлески,
И запах прели всё острей.
Рябин кровавые подвески
Ещё не манят снегирей.

Но вот когда мороз ударит,
Примчатся снегири сюда.
Рябины горький сок подарят
Голодным снегирям тогда.

А нынче ягоды рябины
Летят в пожухлую листву,
И электрички, выгнув спины,
Бегут по рельсам на Москву.

И, может быть, среди дороги
Накроет крыши снег густой,
И осень кончится в итоге,
Зима примчится на постой.

«Сколько брошенных собак...»

Сколько брошенных собак
И таких же диких кошек.
Их с улыбкой на губах
Кто-нибудь кормил из ложек.

Каждый шаг предупреждал
И по лаю, вздоху, писку
В их столовую бежал
Молоком наполнить миску.

И не чаял в них души.
А душа держалась верой.
Но отъелись малыши
До немислимых размеров.

Стали чаще раздражать,
Стали донимать всё чаще.
Вот и стали обживать
Дачные сады и чащи.

Вот такая тут судьба —
Шаг лишь от любви до брани.
У позорного столба
Кто-нибудь за них предстанет.

Идут снега

Снега идут скупее и скупее,
Не торопясь, как в юности, кружить.
И я боюсь, а вдруг да не успею
Как надо жизнь короткую прожить.

Снега идут, меня не задевая,
Снежинки тают, не найдя земли.
И влажных глаз от них не отрывая,
Грущу о тех, что от меня ушли.

Снега идут своею чередою,
Пугает плачем близкая пурга,
Одна беда приходит за другою,
Идут и не кончаются снега.

К тебе

Не бойся, ветер, я тебя не трону,
Не стану уговаривать уйти.
Иду и вижу, чёрная ворона
Пытается дорогу перейти.

Как чёрный кот... Вразвалочку шагает.
Ей нипочём спешащий человек.
Она стихи, безумная, слагает,
Впечатывая когти в первый снег.

Леплю снежок, чтобы спугнуть ворону,
Которая забылась на снегу.
Я молодой, и я такой влюблённый,
И никого обидеть не могу.

Глядит ворона, кто идёт навстречу,
Кто ей стихи мешает сочинять?
Эх, знала бы, какой сегодня вечер!
Но ей меня, безумной, не понять.

Спешу к тебе, и ветер тише, тише.
Какой же белый выпал первый снег!
Иду к тебе, сквозь встречный ветер слышу,
Как бубенцы, залиvistый твой смех.

Перо

Казалось бы, гусиное перо,
Но сколько лет творит оно добро.

Нет, не добро, историю творит,
И всё, что было раньше, говорит.

Цветут цветы в Лицее, как вчера,
И так благоухают вечера!

Встают полки на бой из-под пера,
И падают на землю юнкера.

И плачет кровью хрупкое перо,
Всю жизнь свою творящее добро.

И невдомёк гусиному перу,
Что я в пример его себе беру.

И, может быть, в трудах из-под пера
Кому-то вздох послышится с утра.

Скворец

Дождусь усталого скворца,
Прожившего и эту зиму.
Но сам останусь без отца,
Что жутко и непоправимо.

С кем поделюсь своей бедой,
Кому теперь открою душу?
Скворец, охрипший, молодой,
Меня не станет даже слушать.

Скворцу сейчас не до меня,
Он ждёт, когда родятся дети,
А мой отец, моя броня,
Скворечник ладил на рассвете.

Дача

Сергею Луконину

Сосны седые стонут
Ночью над головой,
Но охраняют кроны
Сон беспокойный твой.

И у крыльца не тает
Белый душистый снег.
Белок лишь не хватает,
Как и тепла, на всех.

Высохнут в красках кисти,
Вызреет полотно.
Глянeshь, проснувшись, в высь ты,
Оно или не оно?

На полотне запляшут
Ласковые глаза.
Разве бывает краше
Зимняя бирюза!

Утро раскроет двери —
Холст, а на нём звезда.

Господи! Я не верю,
Что ты со мной всегда.

Шаржи

*Памяти поэта и художника
Виктора Гончарова*

Он меня не знает даже,
Только встретились – и вот
Набросал в блокноте шаржи,
Где перо моё поёт.

Ну грустит, не это важно,
Важен ракурс, важен свет,
Важно, что листок бумажный
Превращается в портрет.

Дуэль

А кто-то делает карьеру,
А кто-то свято чтит закон,
А этот вот кричит: «К барьеру!» —
И ставит жизнь свою на кон.

Ну ставь её, пока не поздно!
Чего над фактом размышлять?
Чего ты ждёшь и смотришь грозно,
Ведь страшно будет опоздать.

Давай безумствуй, но во благо!
Во имя чести и семьи.
Перо вот это и бумага
Сотрут сомнения твои.

...Соперник бьёт, а пуля – мимо
Летит, не задевая грудь.
Как всё-таки необходимо
Всей грудью вовремя вздохнуть.

Абакан¹

Абакан – река степная,
Не вода, медвежья кровь.
Тут явилась неземная
Сумасшедшая любовь.

Я в глазах её бездонных
Утопал, всплывая вновь,
Открывая, что бездомной
Может быть одна любовь.

Как она тепла хотела,
Оглушённая тоской,
И со мною в ад летела,
А не в рай, искать покой.

Чувства, вспыхнув с прежней силой,
Обжигали душу вновь,
И несла нас, и сносила
Абакан – медвежья кровь.

¹ Абакан (тувинск.) – «медвежья кровь».

Бабочка

Холодно и темно,
Тускло мерцает лампочка.
Бабочка бьётся в окно,
Бабочка.

А на дворе апрель,
А над кроватью рамочка.
Стынет твоя постель...
Мамочка!

Скажете, ерунда,
Спит в это время бабочка.
Только вот не всегда...
Мамочка!

Бабье лето в Москве

Вновь сентябрь рассыпает монету,
Заставляя звенеть синеву,
И мгновения бабьего лета
Наполняют дыханьем Москву.

Чьи-то мысли над городом кружат,
Как вода из криницы, чисты,
И с опаской по глянцевым лужам
Разноцветные скачут зонты.

Я люблю это время шальное,
Время встреч и последних разлук,
Когда бисерный дождик – стеною
И сердец обезумевших стук.

Подбежишь к остановке трамвайной,
Мокрый зонтик в руках теребя,
И какой-нибудь голос случайный
Оглянуться заставит тебя.

Заслонивший собою полсвета,
Мне серебряный дождь не грозит,
Словно лодка по бабьему лету,
Запоздалый трамвайчик скользит.

«...А ты ушла, а я уехал...»

...А ты ушла, а я уехал,
И нам не встретиться уже,
И будет долго-долго эхо
Устало вскрикивать в душе.

Одно-единственное слово
Услышать было не дано,
Но в зоосаде Могилёва
Теперь поселится оно.

Ты будешь там, где дышат травы,
Щебечут птицы в вышине.
Собор Святого Станислава
И тот не вспомнит обо мне.

У Кафедрального собора
Стоит весенняя вода,
И мы увидимся не скоро,
А может, даже никогда.

«Ах ты, старость, глупая, слепая...»

Ах ты, старость, глупая, слепая!
Постареть на свете не хитро!
Вот уже и место уступают
Женщины роскошные в метро.

Вот уже и юноши в бейсболках
Привстают при виде старика.
Ах ты, юность! Ах ты, балаболка!
Как же ты сегодня далека!

Поднимает в небо эскалатор,
У него мальчишеская прыть,
Но и я, стальной, как экскаватор,
Я ещё умею землю рыть.

Перед грозой

Заматерели берёзы,
Соком исходят всю ночь,
Но собираются грозы
Ливнями землю толочь.

Душно на улице, душно,
Запах весенних цветов,
И засыпают послушно
Листья на ветках кустов.

Даже собаки не лают,
Нет до прохожего дел.
Годы летят, пролетают.
Вот и свои проглядел.

Баба Груня

Баба Груня, встань до света,
Загляни в моё окно,
Вспомним, сколько песен спето
Под твоё веретено.

Тихий голос, светлый локон,
Пальцы, клеящие нить...
Ты ушла в своё далёко —
И тебя не возвратить.

Из-за леса, из-за моря,
Из-за вросших в небо гор...
Только ворон на заборе
От прохожих прячет взор.

Никого он не боится!
Кто же тронет старика?!
Что ж ты взгляд отводишь, птица,
Что глядишь издалека?

Апрель

Свежие запахи прели
Листьев, покинувших снег,
Самый счастливый в апреле
Птиц возвратившихся смех.

Сетунь за дачей щебечет,
Гул самолётных турбин.
И понимаешь, что вечен
Мир недоступных глубин.

В Переделкино

Александр Николаеву

Собака не отходит от стола,
Она сжилась с домашней обстановкой.
И я ей объясняю с расстановкой,
Чтоб не мешала, что у нас дела.

А ей плевать на все мои дела.
И для неё не может быть секретов.
Через беседы множества поэтов
И через руки их она прошла.

Она сидит и слушает рассказ
Хозяина седого, ветерана.
И лишь вздыхает и моргает странно,
Поглядывая пристально на нас.

Неужто знает, что он говорит?
Не может быть, что сердцем понимает!
Сидит она и глаз не поднимает,
Не понимая, что со мной творит.

Спасибо, пёс, за чувственность твою,
За то, что ты друзей умеешь слушать.

Я по молчанию преданную душу,
Отзывчивую душу узнаю.

«Не помнится, какой была весна...»

Не помнится, какой была весна,
Когда не стало матери в апреле,
Но точно помню, дико ветры пели,
И лаяла собака у окна.

И для меня не наступил покой,
И перестали петь на свете птицы...
Так далеко служил я от столицы,
Где было до небес подать рукой.

Я там и растворялся в синеву,
Врастал в тайгу, в заоблачные сопки.
Никто меня не гладил по головке,
Не отправлял в далёкую Москву.

А дома снова пели соловьи,
И речка разливалась по лиману.
А я живой хотел увидеть маму,
Чтоб заключить в объятия свои.

Одиночество

Жену схоронил и невестку
И с внуком стал век вековать.
Но внуку прислали повестку,
И внуку пришлось воевать.

На счастье надеялся, строил
Беседку в саду и не кис.
Но внук стал посмертно Героем,
И жизнь потеряла свой смысл.

Он ладит у дома качели,
Едва шелохнётся весна...
А вот и грачи прилетели.
Какая быть может война?!

Зимние яблоки

Какие яблоки в апреле?
У нас они в апреле есть.
Мы берегли их и не ели,
Хотя хотелось очень есть.

Но, переложённые стружкой,
Лежали в ящиках они,
И мы ходили друг за дружкой
И до весны считали дни.

И знали, что необходимо
Не трогать яблоки, терпеть,
Чтоб пережить без хлеба зиму
И с голода не умереть.

Да, мы в такое время жили.
Мы пережили трудный год.
И яблоки, что отложили,
Никто без спроса не возьмёт.

Быть добру!

«Дождь в дорогу – быть добру!» —
Я не раз слышал про это,
И в дорогу я беру
Вот такую сумку лета!

Я иду, а дождик вслед,
Как конфеты в детстве, сладкий.
Мне каких-то сорок лет,
И дела мои в порядке.

Липнет глина к башмакам,
И рубаха липнет к телу.
Ну же, дождик, по рукам,
Ты смотри, как всё запело!

Только ты на миг отстал,
Только шаг звенящий сбавил,
Тут я радугу достал
И над речкой мост поставил.

Больше в сумке ни шиша,
От дождя следа не сыщешь.
Что же ты, моя душа,
Соловьём счастливым свищешь!

Уха

Виктору Чадину

Зубастая рыба глуха,
Окончились долгие муки.
Похоже, густая уха
Встречает любителей щуки.

Наваристый суп в казане,
Дурмящий запах горошка.
И ловит картошку на дне
Большая походная ложка.

И лук, и морковь, и чеснок,
И зелень, и перец с петрушкой...
И ты чуть не валишься с ног,
Стоишь в ожидании с кружкой.

Уха – это хвост с головой,
Добавки – обычное дело.
Но суп-то у нас мировой,
И нет совершенству предела.

Безголосый

Певчей птице грустно в клетке,
Певчей птице свет не мил,
А в глухом саду на ветке
Кто-то крылья распрямил.

Нет ни голоса, ни слуха,
Есть свобода и полёт.
Он в своём гнезде из пуха
Неумеючи поёт.

У него своя услада
И свои любовь и страсть.
Ничего ему не надо,
Лишь бы в клетку не попасть.

Солёный ветер

Капитану I ранга Павлу Бойко

Солёный ветер вырвется наружу
Из бухты той, где тишь да благодать,
И я себя неожиданно обнаружу
Там, где земли и дома не видать.

Форштевень будет молотить о воду,
Судьбу доверят звёздам корабли.
В который раз почувствую свободу,
Которую лишь чайки обрели.

...Мигнёт маяк, встречая одиноко,
И грусть уйдёт, ударившись в причал,
И вновь поход в моря не вышел боком,
И я тебя, как солнце, повстречал.

На открытие обелиска

Герою России Андрею Красову

Даже не верится, что это было,
Что и сюда подступала война.
Марья Ивана до смерти любила,
И после смерти любила она.

Долго глядела вослед уходящим,
Спины крестила пропавших вдали.
Эта разлука была настоящей,
Эту любовь победить не смогли.

Вечная память и вечные списки,
Вбитые в камень навек имена.
Вечный покой обрели обелиски.
Марья с Иваном. Любовь и война.

Серые цапли взлетают с рассветом,
Крепко на кладбище спит тишина.
Марья с Иваном. Короткое лето.
И не даёт распрощаться война.

Голоса друзей

*Памяти Николая Старченко
и Владимира Павлова*

Голоса друзей моих всё дальше —
Свой приют последний обрели.
Ни упрёка и ни слова фальши
Мне они оставить не смогли.

Воевали, слушали Кобзона,
Поднимали в море паруса.
И теперь, наверное, резонно,
Я их не услышу голоса.

Голосов друзей моих не слышно.
Не подали первый раз руки.
Как-то неожиданно всё вышло,
Вышло как-то всё не по-людски.

На Новодевичьем

*На открытие памятника Герою России
Александру Васильевичу Маргелову*

Над берегами небо ниже
И свинцовые облака.
То Илья пред собою движет
Стережущие мир войска.

А куда? Лишь ему известно,
У него над десантом власть.
И десант запекает песню,
Чтобы громом потом упасть.

Разорвать при посадке путы,
Прохрипеть на земле: «Ура!» —
И привет передать кому-то
С вечных русских небес с утра.

...Многолюдно сейчас в округе —
Полосатый шальной народ.
Но молчат в стороне подруги
Так, что оторопь мир берёт.

Белозар²

Белозар – это царские очи.
Пялиться в царские очи не смей.
Даже тайком, в непроглядные ночи,
Лучше бы смертным не видеть царей.

Но притворяется он однолистом,
Не представляя собой ничего,
Чтобы в лесу, позабытом и мглистом,
Кто-то хоть раз да взглянул на него.

Что же поделать с такою привычкой —
Быть у прохожих всегда на виду?!
И представляется он золотничкой,
Осеннецветом в забытом саду.

Так и живёт, подставляясь под взгляды,
Царские очи прикрыв от стыда.
Ну а зачем ему, спросите, надо?
Надо ему, да и всё, господа!

² *Белозар* – растение, другие названия – осеннецвет, однолист, золотничка, царские очи.

Левый берег

Чтоб навек забыть потери
Вот на этом берегу,
Перейду на правый берег —
Даже через не могу.

Подарю пролётным птицам,
Что найдётся в рюкзаке.
Заночую, чтоб спуститься
И умыться на реке.

И пойду с душой пустою,
Чтоб стучаться в чью-то дверь.
Погляжу, чего я стою
В этой жизни без потерь.

А намаявшись в дороге,
Одолев дожди, пургу,
Окажусь другим в итоге
Вновь на левом берегу.

В двадцатых числах октября

В двадцатых числах октября,
В двадцатых числах
Деревья сбросили наряд,
И тишь повисла.

На огородах у реки
Дым коромыслом,
И только спорят сквозняки,
Но всё вне смысла.

Плывут с одышкой облака,
Плывут с одышкой,
И что-то там наверняка
У них с сердчишком.

А людям хочется тепла
В такую пору,
Но эта туча поплыла,
Увы, под гору.

А значит, снова слякотень,
Пора озноба.
В такой смурной октябрьский день
Глядите в оба.

Глядите в оба, мужики,
Глядите в оба,
Когда клянутся от тоски
Любить до гроба.

И пусть глаза подруг горят,
Как в душном мае,
В двадцатых числах октября
Не то бывает.

В дороге

За Луховицами дождь стеной,
Небо роняет молнии,
А о тебе, родной,
Даже и в дождь не вспомнили.

Еду в купе один,
Яблоко режу голден.
Где же он, Аладдин,
В этот невзрачный полдень?!

В небе просвета нет.
Ох, как берёзы гнутся!
Может, в тебе чуть свет
Чувства ко мне проснутся?!

Белый лебедь

Никого на свете не виню
И в прошедшем не ищу изъяна,
Радуюсь, когда навстречу дню
Лебедь выплывает из тумана —

Грудью раздвигая камыши,
Отряхаясь медленно от стужи...
Он-то знает точно: без души
Никому на свете он не нужен.

Устремляясь с радостью на зов,
Шею грациозно выгибает.
Этот лебедь белый за любовь
Не моргнув и глазом погибает.

Но и птице очень важно знать,
Что любовь с уходом остаётся.
Можно счастьем в душу наплевать,
Только никому не удаётся.

«Встанет ночь на Хуптой в пеньюаре...»

Встанет ночь на Хуптой³ в пеньюаре
И заломит руки над водой.
Первый раз её увидит парень —
Серебристый месяц молодой.

Духота и хочется прохлады.
Ночь присядет около воды.
И тогда послышится: «Не надо!
И деревья смотрят, и сады...».

Будет продолжаться до рассвета,
Юношеский светлый диалог.
Духота, дурашливое лето,
И оно влюблённых валит с ног.

³ Река в г. Рязке Рязанской области.

Так повелось

– Я не ослышался? Не показалось?
Первый опёнок вздохнул на пенке.
Переборол и жару, и усталость,
И задрожал у меня на руке.

Что ж, молодёжь и лиха, и беспечна,
Голову любит подставить она.
Нет бы молчать, да и жить себе вечно
И получать за покой ордена.

Нет, нарываётся снова и снова,
Лезет всё время она на рожон.
Так повелось от рожденья Христова,
Так продолжается с древних времён.

Но успокоенность – страшная штука.
Только сомкни на мгновенье уста,
Тут и настигнет безжалостно мука,
Так же поднимут на крест, как Христа.

Входи, зима

Последние объятия октября
И первое дыхание снегопада.
Я жизнь прожил, и, кажется, не зря,
Я жизнь прожил, и, кажется, как надо.

Входи, зима, но душу не студи,
Не оставляй своих рубцов на теле.
Я знаю всё, что будет впереди,
Я знаю, чем закончатся метели.

«Впереди одни печали...»

Впереди одни печали,
Но прошедшего не жаль.
То, что было там, в начале,
Не похоже на печаль.

Искры радости упрямо
Пробиваются на свет:
У моей постели мама
Отмечает двадцать лет.

Никакой ещё разлуки,
Никаких ещё потерь.
И отец берёт на руки,
Открывает в школу дверь.

Я один иду по лугу,
Я Отечеству служу,
Прикрываю спину другу,
Данным словом дорожу.

А потом одни потери,
Нет ни мамы, ни отца,
Я один стою у двери,
Слёзы падают с лица.

Свежий ветер дует в спину.
Жизнь торопится, идёт.
И страна погоны сыну,
Как и мне, уже даёт.

Но вырастает в руку ручка,
Не даёт скучать строка.
И кому-то глазки внучка
Строит нехотя пока.

Впереди одни печали.
Или радость свысока?
И не сплю, не сплю ночами,
И считаю облака.

«Давай поднимем паруса...»

Владимиру Шигину

Давай поднимем паруса
Над нашей творческой лодкой,
Безукоризненной походкой
Уйдём в бумажные леса.

Потом вернёмся на коне
Из бухт, разбросанных по миру,
Предъявим всем такую лиру,
Что не представить и во сне!

«Благодарные певчие птицы...»

Благодарные певчие птицы
Чистят пёрышки возле окна.
Даже мысленно не возвратиться
Не даёт им попытки весна.

Прилетели, с природой не спорят.
Вон какое сияние глаз!
Хорошо, вероятно, за морем,
Только дома-то лучше в сто раз.

Заливаются певчие птицы
И укромные гнёздышки выют,
И беды ни за что не случится,
Пока птицы на свете поют.

До белых туманов

До белых туманов снега и ручьи,
До белых туманов черёмух кипенье,
До белых туманов с тобой мы ничьи.
До белых туманов набраться б терпенья.

Они поплывут, упиваясь зарёй,
Они поплывут даже против течения,
Они поплывут, утопая порой.
Куда поплывут? Не имеет значенья!

До белых туманов каких-то сто дней,
До белых туманов прожить бы без боли.
До белых туманов, рыбачьих огней,
До белых туманов, сгорающих в поле.

Приблудный дождь

Василию Мазуренко

Приблудный дождь окончится нескоро,
Но он пройдёт, и глянут свысока
Украсившие мой неспящий город
Плывущие без дела облака.

Ах, сколько птиц, поющих за дождями,
Готовы снова в длительный полёт!
Они не знают, что там будет с нами,
Но верят: им как людям повезёт.

Летят касатки вдаль через Карпаты,
И путь находят в нужный край они.
И жизнь проходит, никакой оплаты
Не требуя за прожитые дни.

Балкон

Мне приятно на балконе —
Сел себе и как в вагоне.

Смотришь, что там пред тобой,
Кто там ходит хвост трубой.
Незаметненько расчёской
Управляется с причёской,
Взбитой свежим ветерком,
И дымит себе «Дымком».

Вот и выбежала та,
По которой маета.
Вмиг она с букетиком.
Такая арифметика.

Или вот ещё, к примеру,
Дама с милым экстерьером.
Так в собаку влюблена,
Чуть не тьякает она.
Сюсюкает, ласкается,
Сама за ней таскается.

А вот и грузчик прикатил
На синей иномарке.

Он где-то в Африке гостил
На западные марки.
Его загар коричневат.
Живёт... А что он, виноват?

А вот товарищ генерал
В уазике положенном
К подъезду чинно прошагал
Со сливочным мороженым.
Сейчас порадует жену,
За телевизор – и ко сну.

Мне приятно на балконе —
Все глядят, никто не сонит.

Бар-ресторан «Соловецкое подворье» в Архангельске

Если в сердце укроется горе,
Не пойду за советом к врачу,
Посижу в «Соловецком подворье»,
Погляжу на людей, помолчу.

Будет чайка летать над Двиною,
Будет видно её из окна.
И неважно, что будет со мною,
Лишь бы только летала она.

Чтоб не падали тёплые крылья,
Чтобы было ей радостно петь.
Да и мне надо сделать усилие,
Чтоб как эта вот чайка взлететь.

Без тебя

Опять постель моя пуста
И холодны мои уста.
Без уст твоих желанных,
Ужимочек жеманных.

Но это положение
Имеет продолжение.
Я буду весел и остёр,
Горячим буду как костёр.

И буду слушать: «Дорогой!» —
С тобой, конечно, но с другой.

С капризной, с недотрогой...
Но жизнь пока не трогаю.

Живу и жду тебя домой,
Где будешь ты сама собой.

Ведь в опостылевшем доме
Мне одиноко одному.

Застолье

Уже стакан гранёный выпит,
Уже язык как помело,
Но собутыльник мой: «В Египет!
От мест, где снега намело!»

А что я, против? Ну в Египет,
Не каждый год сидеть в снегу.
Ещё стакан гранёный выпит —
И я в Египет не могу.

С моею пенсией в кармане
Не шибко можно отдохнуть,
Не каждый из друзей потянет,
Чтоб на Египет хоть взглянуть.

А собутыльник льёт по новой
В стакан, где кажется, нет дна.
– Да на хрен нам Египет, Вова!
У нас такая вот страна!

А что я, против? Да, такая!
И мы такие, всем назло!
И вилку в кильку я втыкаю...
А снега правда намело...

«До берёзовых песен ещё далеко...»

До берёзовых песен ещё далеко,
Соловьиная грусть будет после берёзовых песен,
А пока журавли пролетают над нами тайком
И спешат по своим облюбванным весям.

Загуляла весна, как в разлуке чужая жена,
Ей и это пред господом Богом простится.
Залетай в мою грустную душу, весна,
Если ты в самом деле весёлая птица.

Размесили берёзы последние стёжки к воде,
Всё не могут никак утолить свою жажду, напиться.
Чёрный грач прокричал. Неужели и правда к беде,
Если он на сухую берёзу садится?

Поскорей бы тепла облюбванным дичью местам
Да побольше б воды зарастающим ряскою рекам,
И ещё, что бы всё-таки ни было там,
А встречал человек на земле человека.

Дождь 7 ноября

Дождь 7 ноября.

Лужи.

Между нами говоря,
Я давно тебе не нужен.

Ветер воет у окна

Мокрый.

Я тебя понять, жена,
При любом раскладе мог бы.

Ты не веришь? Ну и зря.

Тужишь?

Дождь 7 ноября.

Отвратительные лужи.

Ветка просится в окно.

Было!

Как же всё-таки давно
Ты одна меня любила.

Дождь

Этот дождь обессилит в субботу,
За день выплакав тысячи слёз.
Дождь – обычная, в общем, работа,
Но в компании ветра и гроз.

Успокоится дождь, обессилив,
И закусит свои удила.
И отмытая ливнем Россия
Снова будет на сутки светла.

Как продлить этот миг очищенья,
Что б такое придумать, Москва,
Чтоб добиться у близких прощенья
За поступки и просто слова?

О прошедшем и светлом не тужат,
Нагулявшись, насытившись властью.
В небе тучи усталые кружат
И не знают, куда им упасть.

Дом учёных в Санкт-Петербурге

Василию Новикову

Дом учёных... Нева беспокойна,
И спешит восвояси баржа,
Но приветливо машет рукой нам
Мальчик с третьего этажа.

Облака опускаются в воду,
Ветер тоже ложится сюда,
А кричал: «Только дайте свободу,
Я вас жить научу, господа!»

Не получится, братец, с наскока,
Как ты резво вокруг ни кружись,
Справедлива, но только жестока,
А ещё поучительна жизнь.

Я в гостях в этом Доме учёных,
Созерцаю Неву из окна.
И не кажется мне обречённой
И не знающей счастья страна.

Недовольные, вы не сопите,
Что Россия идёт не туда.

Дом учёных... Приветливый Питер.
И его золотая вода.

Живу и надеюсь

Надеюсь на письма, которых не вручат,
На слёзы, которые я не увижу,
На слово, которым тебя не обижу,
Надеюсь на глупость, надеюсь на случай.

А раньше считал это блажью и вздором,
Приписывал светлые чувства капризам,
Не верил, что ласточки, сев над карнизом,
Быть заняты могут большим разговором.

Жалею, что мы не смогли примириться
И, чувства доверив попутному ветру,
С тобой разлетелись по белому свету,
Чтоб вить свои гнёзда как вольные птицы.

Надеюсь на встречу, которой не видеть,
На ласковый взгляд, что отменит разлуки,
На самые смелые чуткие руки,
На то, что прощенье когда-нибудь выйдет.

Надеюсь, что вряд ли надеждой согреюсь,
Но всё же надеюсь. Живу и надеюсь.

За кудыкины горы

- Ухожу, оставляю твой город
И холодные лица его...
- А куда?
- За кудыкины горы!
- А зачем?
- Чтоб не зреть никого!

- Хорошо! А вернёшься-то скоро?
- Я не знаю... Видать, никогда...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.